

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.5>

Тишкова Ольга Геннадьевна

"НАРОДНАЯ СКАЗКА" Н. А. ТЭФФИ "БАБА-ЯГА": ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ НАЧАЛО

В статье рассматривается единственное произведение Н. А. Тэффи для детей "Баба-Яга. Народная сказка". Акцентируется внимание на причинах обращения писателя к русскому фольклору, указывается первоисточник произведения - сказка из сборника А. Н. Афанасьева. Выявляется индивидуально-авторская составляющая произведения в сравнении с традиционными сказочными образами. Доказывается, что фольклорный образ Бабы-Яги подвергся Тэффи глубокой морально-этической трансформации, обусловленной как биографическими факторами, так и общей социокультурной ситуацией в русском зарубежье.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 35-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. **Производитель и промышленник.** 1859. № 32.
17. **Производитель и промышленник.** 1859. № 33.
18. **Производитель и промышленник.** 1859. № 54.
19. **Производитель и промышленник.** 1859. № 67.
20. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 772. Оп. 1.
21. **Северная пчела.** 1858. № 259. 24 ноября.
22. **Силантьев К. В.** Информационно-издательский комплекс К. В. Трубникова в условиях капитализации журналистики второй половины XIX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2013. 26 с.
23. **Сурнина И. А.** «Аскетическое служение промышленному миру...» (Ф. В. Чижов – редактор «Вестника промышленности» и «Акционера»). М.: Изд-во ф-та журналистики МГУ, 2011. 456 с.
24. **Сурнина И. А.** «Экономический указатель» (1857-1861) – деловое издание И. В. Вернадского. М.: Изд-во ф-та журналистики МГУ, 2016. 260 с.
25. **Устав общества для устройства в Риге помещений нуждающемуся населению** // Вестник промышленности. 1860. № 4. Отдел «Часть справочная». С. 1-27.
26. **Языков Д. Д.** Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Выпуск 16 (К-П). (Русские писатели и писательницы, умершие в 1896 году) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/rosarc/rad/rad-413-.htm> (дата обращения: 01.06.2017).

**NEWSPAPER “PROIZVODITEL I PROMYSHLENNIK” (“PRODUCER AND INDUSTRIALIST”)
IN THE SYSTEM OF THE PRE-REVOLUTIONARY BUSINESS PRESS
(EARLY ISSUES, PROGRAM, BASIC CONTENT)**

Surnina Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
isurnina1983@mail.ru

The article examines the economic newspaper “Proizvoditel i Promyshlennik” (“Producer and Industrialist”), which was issued from 1859 to 1861: its purpose, sections (for example, “Forestry”, “Railways”, “Feuilleton”, etc.). For the first time the author analyzes the history of this newspaper from the early days till its closure. Relying on archival sources the researcher identifies the motives to publish this periodical, describes its program, periodicity, subscription price. Having analyzed the content of the sections the author concludes that “Proizvoditel i Promyshlennik” was a very useful edition for the developing bourgeoisie. The researcher ascertains the basic staff of the newspaper and for the first time discovers the motive to close it after two years of successful publication – shortage of subscribers and its neglect by the merchants. It is mentioned that editors and publishers of other business newspapers and magazines at the turn of the 50-60s of the XIX century came across the similar problem.

Key words and phrases: “Proizvoditel i Promyshlennik” (“Producer and Industrialist”); business newspapers and magazines; N. A. Lebedev; section “Forestry”; section “News from the Provinces”; section “Societies and Companies”.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 31.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.5>

В статье рассматривается единственное произведение Н. А. Тэффи для детей «Баба-Яга. Народная сказка». Акцентируется внимание на причинах обращения писателя к русскому фольклору, указывается первоисточник произведения – сказка из сборника А. Н. Афанасьева. Выявляется индивидуально-авторская составляющая произведения в сравнении с традиционными сказочными образами. Доказывается, что фольклорный образ Бабы-Яги подвергся Тэффи глубокой морально-этической трансформации, обусловленной как биографическими факторами, так и общей социокультурной ситуацией в русском зарубежье.

Ключевые слова и фразы: литература русского зарубежья; детская литература; Н. А. Тэффи; русская народная сказка; мифологические образы; Баба-Яга.

Тишкова Ольга Геннадьевна

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
oliabober@mail.ru

**«НАРОДНАЯ СКАЗКА» Н. А. ТЭФФИ «БАБА-ЯГА»:
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ НАЧАЛО**

В прозе Н. А. Тэффи (1872-1952) существует большое количество произведений, главными героями которых являются дети или посвященных им. Детская тема – одна из ключевых в творчестве писательницы, к ней она обращалась на протяжении всего творческого пути. Существует цикл рассказов, объединенных названием «Дети» (сборник «Книга июнь», 1931), где Тэффи демонстрирует глубокое знание детской психологии, внутреннего мира детей. Более того, критик П. Бицилли в этой связи концептуально отзывался о творчестве писательницы: «Ее персонажи – всегда дети, сколько бы лет им ни было» [5, с. 473]. Однако, несмотря на интерес Тэффи к детской теме, произведений собственно для детей долгое время она не создавала.

В мемуарном очерке «Игрушки и книги» (1927) Тэффи писала: «Детская книжка всегда была для меня загадкой. Я за всю свою жизнь ни разу не смогла написать рассказа для детей. Пробовала – выходило что-то неудобное, скорее для стариков-паралитиков, чем для нормального ребенка» [17, с. 2]. Но все же позднее, уже в 1932 году, писательница решилась на создание книги для детей. Ею стала «Баба-Яга. Народная сказка». И сразу же критики-современники благосклонно восприняли ее выход: высоко оценили мастерство художественной обработки, стиль, язык произведения, отозвались как о великолепном подарке русским детям накануне праздника Рождества. Например, Т. Тимашева отмечала: «Вдвойне ценна та сказка, которая подносится юным скорее слушателям, чем читателям, в самом “вкусном” виде. Этому условию вполне отвечает только что, так удачно, к праздникам, выпущенная издательством УМСА сказка “Баба-Яга”» [15, с. 2].

Стоит особо обратить внимание на несколько причин, побудивших Тэффи обратиться к детской литературе. Писательница в это время находилась в сложных жизненных условиях. В 1930 году тяжело заболел ее гражданский муж П. А. Тикстон. Она тяжело переживала его болезнь, внимательно ухаживала за больным и одновременно писала юмористические рассказы, чтобы заработать на жизнь. Близкая подруга Тэффи В. Д. Васютинская так писала об этом периоде ее жизни: «За стеной рабочего кабинета медленно угасал тяжело больной, день и ночь нуждающийся в ее присутствии, заботах и уходе. И она годами окружала его своей нежностью, блела над ним неотступно и... писала развлекавшие читателей веселые рассказы» [8, с. 431].

Столь сложные личные обстоятельства, по-видимому, явились причиной того, что в этот период творчества для Тэффи на первый план выступают понятия любви-нежности, жалости, самопожертвования, сочувствия. Позднее Г. Адамович в 1936 году следующим образом отозвался о книгах писательницы: это «беседа с умным очень усталым человеком. С таким, который втайне думает, что все идет к черту, что ничему помочь нельзя, что жизнь жестока, груба и бесстрашна, а людям нужнее всего – жалость» [9, с. 560].

Другой причиной обращения Тэффи к жанру русской народной детской сказки можно назвать то, что на протяжении всей жизни в эмиграции ее волновала судьба русской молодежи, их оторванность от корней и живого русского языка, погружение в чуждую языковую среду. Уже в 1922 году Тэффи пишет: «Здесьняя молодежь с каждым днем теряет корни, забывает язык (слова, их ударения, ритм, гармонию, тело языка); как современные греки изучают настоящий древний греческий язык, так эмигрантская молодежь начнет скоро изучать русский язык...» [16, с. 258].

Свою обеспокоенность судьбой русских детей, молодежи Тэффи выражала в фельетонах и рассказах. В фельетоне «Из фиолетовой тетради I» (1927) писательница задается вопросом: «А интересно, какое у наших беженских детей, не помнящих старой России, сложилось представление о ней?» [18, с. 37]. В рассказе «Дети» Тэффи размышляет о будущем русских детей: «Растут наши русские дети. Больные, голодные, обманутые, обкраденные. Наше темное страшное русское будущее. Кто ответит за них? И как ответят они за Россию?» [18, с. 402]. Тревогу писательницы вызывает не только тяжелое материальное положение детей, но и то, что юное поколение оказалось оторванным от своих корней, от России и всего русского. Отсутствие песен и сказок Тэффи видится не менее трагичным, чем недостаток самого необходимого (молока, хлеба, сахара): «Растут без молока, без хлеба, без сахара, без игрушек и без песен. Вместо сказок слушают страшную бль – о расстрелянных, о повешенных, о замученных» [Там же].

О сложном положении детей, оторванных от родины, вынужденных адаптироваться к новым реалиям, Тэффи пишет в рассказе «Гурон» (сб. «Книга июнь», 1931). «Как они скоро все забывают!» – восклицает героиня рассказа, говоря о русских детях-эмигрантах. И далее: «Совсем офранцузились!». Действительно, Серго, одиннадцатилетнему герою рассказа, приходилось нелегко: «В школе одно, дома другое. В школе – лучшая в мире страна Франция. И так все ясно – действительно, лучшая. Дома – надо любить Россию, из которой все убежали. Большие что-то помнят о ней. Линет каталась на коньках и в имении у них были жеребята, а дядюшка говорил, что только в России были горячие закуски. Серго не знал ни жеребят, ни закусок, а другого ничего про Россию не слышал, и свою национальную гордость опереть ему было не на что» [19].

Тэффи обратилась именно к русской народной сказке как наиболее близкому и понятному детям виду творчества, который «всегда пленял и вряд ли когда-либо перестанет пленять детские сердца» [15, с. 2]. Сказка – древний жанр с особой национальной спецификой, вмещающий в себя многовековую мудрость русского народа, знания о его языке, культуре, быте, мировоззрении. Об этих свойствах сказки писали многие исследователи русского фольклора. А. Н. Афанасьев в предисловии к книге «Народные русские сказки» отмечал как познавательное, так и воспитательное значение сказки: «Увлекаясь простодушной фантазией народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений и познакомится с чистым народным языком, его меткими оборотами и художественно верными природе описаниями» [2, с. 5]. В этом же ключе рассуждал и В. Я. Пропп: «Сказка в художественных образах выражает лучшие качества народа и тем самым воспитывает эти качества в тех, кто любит слушать или читать сказку» [13, с. 16].

С большой долей вероятности можно утверждать, что в качестве первоисточника писательница использовала народную сказку «Баба-Яга» (№ 103) из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (1855-1863) – первого большого издания подлинно народных сказок, пользовавшегося огромной популярностью и ставшего классическим собранием русских народных сказок. В 1931 году в Париже вышло даже переиздание сказок на французском языке с Бабой-Ягой на обложке работы И. Билибина.

Отметим, что в сборнике А. Н. Афанасьева существуют две сказки с названием «Баба-Яга» (№№ 102, 103). Отличаются они нравственно-воспитательными акцентами. Тэффи игнорирует сказку, главной моралью

которой является трудолюбие, и берет за основу своего произведения сказку с пафосом человеколюбия, доброты и жалости.

Интересным представляется тот факт, что писательница подписала сказку словами: «Рассказала Н. Тэффи». Тем самым она как бы акцентирует внимание на естественной форме бытования сказки как устного жанра и проводит параллель между собой и существующими в народе сказочниками-рассказчиками.

О существовании на Руси рассказчиков сказок и об особенностях такого пересказа Н. М. Ведерникова пишет следующим образом: «При пересказе исполнитель вносит в текст изменения, выражающиеся в варьировании, трансформации мотивов, введении дополнительных мотивировок, отборе стилистических средств, создающих своеобразие сказки» [6, с. 26]. При этом важно, что «импровизированные элементы являются вторичными по отношению к традиционному тексту» [Там же]. Подобные черты прослеживаются и в сказке Тэффи. Писательница бережно относится к народному произведению и использует традиционные для волшебной сказки композиционную схему, устойчивые характеристики персонажей, поэтические формулы, постоянные эпитеты, повторы, трюизмы. В то же время присутствует и авторское начало, проявляющееся на различных уровнях: текстовом, образном, эмоционально-психологическом, нравственно-этическом, мировоззренческом.

Особое место в системе персонажей сказки занимает Баба-Яга. Именно в её образе с наибольшей выразительностью проявились черты, позволяющие проследить индивидуально-авторскую составляющую произведения. Баба-Яга – традиционный персонаж волшебных сказок. По оценке В. П. Аникина, «редкая волшебная сказка обходится без упоминания в ней Бабы-Яги» [1, с. 128-129]. При этом Баба-Яга может являться как положительным, так и отрицательным персонажем. Ученые выделяют положительный и отрицательный типы Бабы-Яги [10, с. 29]. К положительному типу относят тип Яги-дарительницы и советчицы, а действия отрицательного типа «направлены против героя и характеризуют Ягу как его антагонистку» [Там же]. В выбранном Тэффи варианте Баба-Яга желает съесть маленькую девочку и является отрицательным персонажем.

В русской народной сказке персонажи – это «типы, переходящие из сказки в сказку» [14, с. 209], отсутствуют указания на качества героев, они «нигде прямо не высказываются словами. Они вытекают из действий» [Там же, с. 211]. В сказке из сборника Афанасьева действительно не встречаются характеристики Яги. В обработке Тэффи Баба-Яга «злющая-презлющая», «злющая». Прямо указывает писательница и на качества падчерицы, называет ее «хорошей», «умницей», акцентирует внимание на таких ее качествах, как доброта и сообразительность (дед с бабой обращаются к девочке: «Расти-расти, умница, всех добрее и всех хитрее¹» [3, с. 2]). Выходя за рамки традиционной сказочной поэтики, Тэффи прописывает конкретные качества персонажей, выводит на первый план нравственно-этическую составляющую произведения.

Обращает на себя внимание большое количество глаголов, которые использует Тэффи в сценах с Бабой-Ягой. Ими насыщена сцена погони Яги за девочкой. С их помощью переданы интенсивность, стремительность действий Бабы-Яги (прискакала, погоняет, заматает, покатила, погнала, катит, бросила, подбежала). Кроме того, через глагольные формы имитируется шум, производимый ее действиями: «гремит, гудит» [Там же, с. 21], «стучит, гремит, пыль столбом завивает» [Там же, с. 23]. Подобные характеристики придают динамику повествованию, более ярко характеризуют образ Яги.

Насыщена глаголами сцена наказания Ягой своих слуг. В сказке из сборника Афанасьева данная сцена описана кратко: «Баба-Яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза», «Баба-Яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить» [2, с. 157]. Тэффи ярко и эмоционально передает действия Яги: «И принялась Яга кота драть. Уж она его драла, била, лупила, приговаривала» [3, с. 13]; «Побежала Баба-Яга, на собак накинулась. Била их, колотила, всю шерсть на них в войлок встrepала»; «Кинулась Яга на березку»; «Бьет работницу кулачищами, скрипит на неё зубищами, костяной ногой по спине лупит» [Там же, с. 15].

Благодаря динамике, созданной Тэффи через глаголы и глагольные формы, происходит усиление агрессивных свойств Бабы-Яги. В то же время, совместно с другими изобразительными средствами, подобные описания направлены на то, чтобы вызвать сочувствие и жалость у читателей к несчастным слугам Яги. Этой цели служат эпитеты. Кот говорит: «Я тебе столько лет служу, а ты мне никогда глотаной косточки не бросила» [Там же, с. 14] (ср. у Афанасьева: «Я тебе сколько лет служу, – говорит кот, – ты мне косточки не дала» [2, с. 157]); работница жалуется: «...никогда ты меня рваной тряпочкой не порадовала» [3, с. 15] (ср. у Афанасьева: «Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила» [2, с. 157]).

Ярким средством характеристики Яги, ее жестокости и грубости, является речь персонажа. В сказке Афанасьева в данной сцене отсутствует речь Бабы-Яги. Тэффи наделяет Ягу высказываниями, насыщенными угрозами и оскорблениями в адрес провинившихся слуг: «Как смел ты такой-сякой, вор котиче, девочку из дому выпустить...» [3, с. 14]; «Ах вы, такие-сякие, псы, пустобрехи, неверные!»; «Ах вы, такие-сякие... Вот возьму топор, разрублю вас на дрова, на лучину расщеплю»; «Ах ты, такая-сякая, да я тебя всю на веники обдеру!»; «Слуга ты моя неретивая, дармоедка ленивая» [Там же, с. 15]. В результате такого отношения у кота в варианте Тэффи появляются слезы: «Утер кот слезы...» [Там же, с. 14], что усиливает выразительность сцены и вызывает сочувствие к персонажам.

Речь как способ характеристики героев использует Тэффи и в сцене побега девочки из избышки Бабы-Яги. В сказке из сборника Афанасьева эта сцена описана кратко, незэмоционально: «Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать – она бросила им хлеба, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза

¹ Сказка Н. А. Тэффи «Баба-Яга. Народная сказка» цитируется в современной орфографии и пунктуации.

выстегать – она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила» [2, с. 157]. Тэффи подробно останавливается на этой сцене, значительно увеличивая ее объем, добавляет обращение девочки к каждому персонажу. Речь ее насыщена ласковыми словами, лексикой с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Котик-коток, котя ласковый...» [3, с. 8]; «Собачки, собачки, не лайте, не пугайте, не трогайте. Вот вам хлеба кусок» [Там же, с. 10]; «Ворота, ворота, не скрипите...» [Там же, с. 11]; «Березка, березка, пропусти меня» [Там же, с. 13].

Эти два эпизода, на которых Тэффи останавливается подробно, контрастны по отношению друг к другу. Грубая речь Яги и ее действия прямо противоположны ласковой речи падчерицы и ее поступкам. Противоположной является и реакция слуг Бабы-Яги на отношение к ним. В ответ на доброту девочки они пропускают ее и даже испытывают эмоции – ворота «обрадовались», когда девочка подлила им масла. На Ягу же собаки «обиделись». О чувствах говорит и работница: «Никогда ты меня рваной тряпочкой не порадовала» [Там же, с. 15].

Тэффи использует контраст как традиционно присущее сказке изобразительное средство и усиливает его, расширяя сцены, добавляя прямую речь героев, описание их действий, а также реакцию персонажей. Благодаря контрастному построению этих двух сцен Тэффи противопоставляет двух главных героев сказки, Бабу Ягу и падчерицу, по принципу их моральных качеств, их отношения к окружающим. На первый план выступают доброта и сочувствие девочки и противоположные им грубость и жестокость Яги. Именно благодаря жалости, состраданию других персонажей спасается девочка: ей помогает кот. Эти чувства вызывают слуги Яги, когда та их наказывает.

Тема жалости занимает особое место в творческом мире Тэффи, где любовь – одна из главных тем творчества писательницы – невозможна без способности сердца пожалеть близкого человека. Кроме того, в сложный период жизни писательницы, когда была написана эта сказка, острое чувство жалости было для нее одним из основных. В письме В. Н. Буниной (1934 или 1935 год) Тэффи пишет: «Живу я сейчас так тяжело и уныло, что даже смешно. <...> Какая ужасная штука жалость. Ей совершенно нет границ и пределов. Всё кажется, что можно отдать еще что-то. – Ага, стерва! Небось книжку по ночам читаешь, а он читать не может! Нет предела!» [12, с. 398].

Не случайно соседство доброты и жалости в художественном мире Тэффи. Доброта и жалость оказываются в нем взаимосвязанными, без одного не может быть другого. По мнению Н. Ю. Желтовой, «в русской аксиологии человек, способный испытывать жалость, – это всегда человек добрый» [7, с. 72]. Стремление высказать сочувствие, жалость к каждому проявилось в мировоззренческой позиции Тэффи: «В каждой душе, даже самой озлобленной и темной, где-то на самом дне чувствуется мне притушенная, приглашенная искорка. И хочется подышать на нее, раздуть в уголек и показать людям – не все здесь тлен и пепел» [18, с. 363].

Подобная позиция нашла свое отражение в сказке в образе Бабы-Яги. Если у Афанасьева Баба-Яга – традиционный отрицательный персонаж, имеющий лишь негативные психологические характеристики (встречается лишь упоминание о злости Бабы-Яги: «...от злости зубами заскрипела» [2, с. 157]), то в варианте Тэффи, притом что Яга остается отрицательным героем, она наделена характером, разнообразными переживаниями (сердится, удивляется, спешит, злится, обижается). Тэффи показывает психологическую мотивацию ее действий, рассматривает ситуацию с точки зрения Бабы-Яги: «Рассердилась Баба-Яга, на коту обиделась, что даром весь день зубы точила, девочку есть собиралась»; «Удивилась Яга, что девочка вдруг так заговорила, бросилась в избу...» [3, с. 13]; «Хотела было Яга работницу насмерть загрызть, да некогда было...» [Там же, с. 17]; «Прискакала Баба-Яга к реке, смотрит – как быть? В медной ступе в воду не сунешься» [Там же, с. 19]; «А Баба то Яга ничего не знает, катит себе в ступе, толкачем погоняет, торопится девочку догнать» [Там же, с. 23].

Тэффи выходит за рамки традиционной сказочной поэтики, которой не свойственна психологизация, а психологические характеристики «элементарны, одни всегда положительные, другие отрицательные» [14, с. 209]. Для Тэффи именно внутренний мир персонажей сказки выходит на первый план. Писательница заостряет внимание на чувствах героев, наделяет душой даже неживые предметы (ворота, березка). Яга-людоедка, способная в фольклорном варианте только злиться, наделена целым спектром эмоций, а её поступки имеют свои причины. Традиционный образ Бабы-Яги трансформируется Тэффи в объемный и глубокий характер, в изображении которого писательница использует приемы психологизма и индивидуальной мотивированности поступков.

Выделяется среди персонажей книги и образ кота. На нём Тэффи останавливает своё внимание, достаточно подробно описывая его портрет: «Смотрит девочка, а по горнице кот ходит. Сам черный, глаза желтые, хвост трубой, ходит, жмурится, усищами шевелит, когтищами по половицам поскребывает» [3, с. 6]. Наличие столь подробных портретных характеристик противоречит жанру народной, в частности, волшебной сказки, где персонажи – это «типы, переходящие из сказки в сказку», а «внешность героев никогда не описывается» [14, с. 209].

Подобное внимание к персонажу не случайно, в нём проявилось особое отношение автора к кошкам, которые были важной частью жизни писательницы. И. Одоевцева писала, что у Тэффи существовал целый «кошачий эпос», а отношение к людям зависело и от их отношения к кошкам: «Я просто не понимаю, как можно не любить кошек, – продолжает Тэффи. – Для меня человек, не любящий кошек, всегда подозрителен, с изъясном, наверно. Неполноценный» [11, с. 89]. Индивидуализированный образ кота в сказке о Бабе-Яге Тэффи выступает своеобразным нравственным маркером поступков героев, он исполняет роль не только главного помощника, но и транслятора подлинной духовности.

Знакома детей, живущих в эмиграции, с народной сказкой о Бабе-Яге и падчерице, Тэффи погружает их в стихию русского народного языка, традиционной культуры и национальной системы ценностей. При этом

современники отмечали мелодичность языка сказки в варианте Тэффи и отсутствие устаревших слов, что облегчало восприятие текста читателем: «Тэффи удалось найти тот простой и естественный, а потому чрезвычайно трудный ритм, благодаря которому её рассказ приобрел особенную живость и ту чарующую музыкальность, которая особенно подходит для сказки» [15, с. 2]. Критики подчеркнули и значение книги для юных читателей: «Русские дети получают на чужбине подарок, в котором живет русский дух, русская фантастика» [4, с. 5].

Оставаясь в рамках жанра традиционной русской народной сказки, Тэффи внесла в произведение индивидуально-авторскую составляющую, которая проявилась на различных уровнях: текстовом, образном, эмоционально-психологическом, нравственно-этическом, мировоззренческом. Наиболее яркое выражение авторское начало получило в образе Бабы-Яги. Отрицательный фольклорный образ Яги-людоедки, лишенный в традиционном варианте психологизма, Тэффи трансформировала в яркий и глубокий характер с индивидуально-мотивированными поступками. При этом писательница использовала глаголы как способ характеристики, речь персонажей, контрастное построение образов, психологические характеристики героев.

В результате трансформации русской народной сказки в произведении Тэффи на первый план выступает нравственно-этическая составляющая, такие значимые для всего творчества писательницы понятия, как любовь, доброта, жалость, сострадание, милосердие, неприятие несправедливости и жестокости. Подобные этические константы отражают и национальные гуманистические ценности, базовые концепты русского национального сознания.

Список источников

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Худож. лит., 1984. 176 с.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 1. 515 с.
3. Баба-Яга: народная сказка / текст обработан Н. А. Тэффи. Париж: YMCA Press, 1932. 24 с.
4. Б. В. Баба-Яга // Последние новости. 1932. № 4292. 22 декабря.
5. Биццли П. Тэффи. «Ведьма». Издательство «Петрополис», Берлин, 1936 // Современные записки. 1936. № 61. С. 472-474.
6. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 136 с.
7. Желтова Н. Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX века. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. 166 с.
8. Из воспоминаний В. Д. Васютинской // Тэффи Н. А. Черный ирис, белая сирень. М.: Эксмо, 2006. С. 430-439.
9. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940): в 4-х т. / гл. ред. А. Н. Николукин. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 3. 712 с.
10. Никитина А. В., Рейли М. В. Баба-Яга в сказках Русского Севера // Русский фольклор: материалы и исследования / отв. ред. М. О. Скрипиль. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 28-74.
11. Одоевцева И. На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989. 333 с.
12. Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Бунными. 1920-1939 // Диаспора. Новые материалы. Paris – СПб.: Atheneum; Феникс, 2001. Вып. 1. С. 348-421.
13. Пропп В. Я. Предисловие // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 1. С. 3-16.
14. Пропп В. Я. Собрание трудов. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
15. Тимашева Т. Баба-Яга – народная сказка // Возрождение. 1932. Вып. 8. № 2753. 15 декабря.
16. Трубилова Е. М. Тэффи // Литература русского зарубежья. 1920-1940 / сост. и отв. ред. О. Н. Михайлов. М.: Наследие; Наука, 1993. С. 241-264.
17. Тэффи Н. А. Игрушки и книги // Возрождение. 1927. № 936. 25 декабря.
18. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Книжный клуб «Книгоvek», 2011. Т. 3. 416 с.
19. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Книжный клуб «Книгоvek», 2011. Т. 4. 352 с.
20. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Лаком, 1998. Т. 3. 382 с.

FOLK TALE “BABA JAGA” BY N. A. TEFFI: FOLKLORIC ORIGINS AND THE AUTHOR’S INDIVIDUAL ELEMENT

Tishkova Ol'ga Gennad'evna
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
oliabober@mail.ru

The article examines the only children’s tale by N. A. Teffi “Baba Jaga. Folk Tale”. The paper focuses on the motives of the writer’s appeal to the Russian folklore, indicates the tale original source – the tale from A. N. Afanasyev’s collection. The researcher identifies the author’s element in the story in comparison with traditional fabulous images and argues that Teffi subjected Baba Jaga’s folkloric image to deep moral and ethical transformation conditioned by both biographical factors and general socio-cultural situation in the Russian emigré society.

Key words and phrases: Russian literature abroad; children’s literature; N. A. Teffi; Russian folk tale; mythological images; Baba Jaga.